

КОВАЛЬЧУК МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

«ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ...»: СУДЬБА РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА-ПРОВИНЦИАЛА П. И. КРЕЧЕТОВА

В статье рассматривается жизненный путь провинциального чиновника, уроженца г. Ельца Орловской губернии Петра Ивановича Кречетова. Это был не типичный чиновник, а интеллигент, совмещавший чиновничью карьеру с литературным творчеством. Автор путём привлечения неизвестных ранее документов и материалов прослеживает все перипетии его биографии на фоне культурной жизни российской провинции в европейской части страны, на Дальнем Востоке и в эмиграции. Также дан анализ его наиболее выдающихся литературно-критических произведений.

Ключевые слова: интеллигенция, провинция, литератор, чиновник, эмигрант, литературный и музыкальный критик, публицист, издатель и журналист.

Keywords: intelligentsia, province, litterateur, official, emigrant, literary and music critic, publicist, publisher and journalist.

Просматривая в Дальневосточной государственной научной библиотеке (ДВГНБ) справочник «Писатели, учёные и журналисты на Дальнем Востоке за 1918–1922 гг.», изданный в 1922 году во Владивостоке, я обнаружил статью, посвящённую Петру Ивановичу Кречетову. Но прежде чем повести речь о нём, хотелось бы несколько слов сказать о самом справочнике. Безусловно, уникальны место и время издания справочника. Владивосток был тогда под властью белых, а точнее, Временного Приамурского правительства братьев Спиридона и Николая Меркуловых, при поддержке японцев, отчаянно боровшихся с Дальневосточной республикой, так называемым «буфером», за спиной которого стояла Советская Россия. В это же время из Центральной России и Сибири во Владивосток стекалось большое число интеллигенции, напуганной революцией и эксцессами Гражданской войны. Без дела они не сидели. Открывались высшие учебные заведения, издавалось множество газет. Проводились художественные выставки, ставились театральные постановки. Культурная жизнь в приморской столице буквально кипела. В этой связи появление справочника, посвящённого культурной элите Дальнего Востока, вполне объяснимо. Уникальное время породило и уникальное издание. Его автор скрывается под псевдонимом И-ч. В многотомном справочнике псевдонимов находим его расшифровку: «И-ч» — Борис Анатольевич Ивашкевич [21, с. 425]. Однако, по мнению сотрудника ДВГНБ Татьяны Васильевны Кирпиченко, автором справочника могла быть его сестра, Вера Ивановна Ивашкевич (1890–1960 (?) гг.), вторая жена писателя Всеволода Никаноровича Иванова (1888–1971 гг., Хабаровск). Вероятно, через мужа она могла быть знакома с богемной средой Владивостока. Кроме того, она и сама была журналисткой [33]. Но надо иметь в виду, что Борис Ивашкевич (1889–1936 гг.), впоследствии знаменитый дальневосточный лесовод, работал на Дальнем Востоке с 1913 года, а его сестра только приехала сюда в 1921 году. Вряд ли за короткое время она смогла бы проделать большую работу по составлению указанного справочного издания. К тому же о самом Вс. Н. Иванове в справочнике помещена небольшая заметка: «Иванов, В. Н., изд. “Вечерняя Газета”. Его ст.: “Читинский официоз”, “Веч. Газ”»¹ [6, с. 29]. О своём муже В. А. Ивашкевич могла бы написать и побольше. Примечательно, что самому известному писателю-дальневосточнику В. К. Арсеньеву (1879–1930 гг.), всеми любимому и почитаемому его земляками, в справочнике отведено меньше места, чем П. И. Кречетову. Уже само это обстоятельство заставило меня повнимательнее отнестись к этой личности и начать поиск.

Благодаря Интернету обнаружилось, что речь идёт о Петре Ивановиче Кречетове. Эта статья посвящена именно ему, а не Павлу Ивановичу Кречетову², которому по ошибке А. В. Калякина [8, с. 53] приписала авторство книги «По родному краю». Последний на рубеже XIX–XX столетий проживал в Орловской губернии и был секретарём уездного дворянского собрания. В настоящей публикации предпринята попытка реконструировать биографию Петра Ивановича Кречетова, внёсшего огромный вклад в изучение Орловской губернии. Нельзя сказать, что орловцы забыли своего земляка. Они достойно отметили его 150-летний юбилей. Ему посвящаются статьи, размещённые в Интернете, сведения о нём включены в книгу «Орловские краеведы» [5] и другие справочники [32]. Тем не менее все известные нам опубликованные его биографии являются неполными, к тому же повествование в них обрывается 1910 годом. В свою очередь, это обусловлено тем, что все публикации о П. И. Кречетове основаны на одних и тех же материалах, а для ликвидации пробелов в его биографии необходимо не только комплексное изучение уже имеющейся литературы о нём, но и вовлечение в научный оборот новых источников, в том числе архивных. В данной статье автор поставил своей целью ликвидировать имеющиеся пробелы в биографии П. И. Кречетова. По ней можно проследить судьбу русского чиновника, жившего на рубеже столетий, но чиновника одарённого, деятельного, творческого, связавшего свою жизнь с русской провинцией.

Детство и юность

Во всех биографических справочниках и словарях, доступных нам, пишется о том, что Пётр Иванович Кречетов родился 24 июня по старому стилю и 12 июня по новому стилю в 1872 году в городе Ельце Орловской губернии в семье чиновника [5; 6; 25]. Однако эти данные следует уточнить, а заодно и пролить свет на его происхождение.

Отец Кречетова, Иван Николаевич Кречетов (1844–1899 гг.), был сыном деревенского дьячка, окончившего духовное училище в г. Ливен, а затем семинарию в г. Орле. Он отличался большой аккуратностью и прилежностью, что позволило ему уже во время учебы исполнять обязанности письмоводителя непосредственно как в самой семинарии, так и в Орловской епархиальной консистории (канцелярии). В 1869 году, по окончании семинарии, он был оставлен в должности штатного письмоводителя в Орловской епархиальной консистории с увеличением жалования «за усердие, казенным помещением и столом». В 1870–1873 годах отец

¹ Сохранена дореформенная орфография.

² Кречетов Павел Иванович, в 1899 г. — титулярный советник, агент страхового общества «Россия» по г. Кромы Орловской губернии [см.: 30, с. 183].

П. И. Кречетов был псаломщиком Елецкой кладбищенской Казанской церкви. Эта церковь, хотя и была основана в 1781 году, то есть при Екатерине Великой, только во второй половине XIX века получила свой штат, состоявший из священника, дьячка и псаломщика. Однако долго в этой церкви Иван Николаевич не продержался и в начале 1874 года занимает должность канцеляриста в прокуратуре Елецкого окружного суда. В конце того же года поступил на службу в Орловское губернское правление. За четверть века на государственной службе он продвинулся с должности корректора губернских ведомостей до должности старшего делопроизводителя [11]. Согласно данным официального справочника, в 1895 году И. В. Кречетов имел чин коллежского асессора [29, с. 32].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что Пётр Иванович Кречетов хоть и родился в Ельце, но своей малой родиной по праву мог считать только г. Орёл, куда он переехал с родителями, можно сказать, младенцем, где прошло его детство и юность. Действительно, его отец был чиновником, но выходцем из церковной среды. И дед, и отец, и родной дядя по отцовской линии так или иначе были связаны с церковью. И если дед «тянул лямку» сельского дьячка, а отец бросил церковную карьеру, то дядя, Александр Николаевич Кречетов, был членом Орловской духовной епархии и её благочинным, под надзором которого в плане соблюдения «благочиния» (общественного порядка) находилось более десятка церквей.

Надо иметь в виду и то обстоятельство, что Иван Николаевич Кречетов, отец нашего персонажа, был всего лишь псаломщик, то есть чтец в кладбищенской церкви. Это низшая должность среди белого приходского духовенства. Отмечая усердие Ивана Николаевича и оставив его при духовной консистории, епархиальное начальство не сочло нужным дать ему приход после окончания семинарии. Переход его с церковной службы на светскую не был предсудителен. Его нельзя было причислить к попам-расстригам, так как псаломщиков не рукополагали и, таким образом, не возводили в священнический сан.

Вероятно, Иван Николаевич был глубоко верующим человеком. В то же время его волновали сугубо мирские проблемы: он был уже женат и у него появились дети (их у него всего было пятеро), что заставило его перейти на гражданскую службу. Всё это не могло не отразиться на мировоззрении его сына, Петра Ивановича Кречетова. Забегая вперёд, отметим, что он в какой-то степени повторил судьбу отца.

Орёл в 1890-х годах представлял собой губернский город, в котором проживало около 69,7 тысячи человек. В Орловской губернии было ещё 11 городов, из которых самые крупные — Елецк (47 тыс. чел.), Брянск (24,8 тыс. чел.).

Всего же в Орловской губернии насчитывалось чуть более 2 млн человек населения, но преимущественно крестьянского (88 %) [31, с. VII], так как орловские земли находились в плодородной чернозёмной полосе России. Кроме того, Орёл был административным центром, культурной столицей региона. Тогда в нём были мужская гимназия и реальное училище. К началу XX века к ним присоединилась ещё одна мужская гимназия и кадетский корпус. Все эти учебные заведения предназначались для юношества, но только в реальном училище получали образование сыновья купцов и мецан, а в гимназиях и кадетском корпусе — преимущественно дети дворян. Девочки обучались в двух женских гимназиях и Александринском институте благородных девиц. Последнее по уровню образования приравнивалось к гимназии, но упор делался на изучение языков (мёртвых и живых). Следует отметить, что Орёл уже в XVIII веке стал центром Орловско-Севской епархии Русской православной церкви [7, с. 1–6]. В её ведении в Орле были два духовных училища и духовная семинария, куда преимущественно отправляли детей церковнослужителей.

Несмотря на то что в губернском городе не было ни одного вуза, здесь имелись научные общества и заведения. В частности, от Академии наук работала метеорологическая станция, от Министерства земледелия — сельскохозяйственная. В 1885 году была образована Орловская губернская учёная архивная комиссия по выявлению, сбору и систематизации исторических документов по истории края. Среди почётных членов комиссии был генерал Аркадий Дмитриевич Столыпин (1822–1899 гг.), отец знаменитого реформатора России Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911 гг.) [29, с. 67]. Комиссия положила начало архивного дела в Орловской губернии. Кроме осуществления своих непосредственных обязанностей она выпускала труды, в которых публиковались исторические документы и научные статьи. Комиссия имела богатую для своего времени библиотеку. В 1897 году она приступила к сбору вещей и артефактов с целью создания краеведческого музея в городе [37]. К началу XX века в музее имелась солидная коллекция экспонатов, в том числе картинная галерея лиц, прославивших Орёл в XIX веке. Среди них портреты писателей Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883 гг.) и Николая Семёновича Лескова (1833–1895 гг.), поэтов Фёдора Ивановича Тютчева (1803–1873 гг.), Афанасия Афанасьевича Фета (1820–1892 гг.) и Алексея Николаевича Апухтина (1840–1893 гг.), историков Тимофея Николаевича Грановского (1813–1855 гг.) и Николая Герасимовича Устрялова (1805–1870 гг.), этнографа Павла Ивановича Якушкина (1822–1872 гг.) [37, с. 62–53]. Не каждая русская земля давала России столько блестящих имён, прославивших свой край, да и саму нашу страну. П. И. Кречетов вырос и сформировался на Орловской земле.

Он не относится к звёздам первой величины, но его творчество было заметно современникам и не забыто потомками.

Итак, Пётр Иванович Кречетов родился в Ельце 12 июля 1873 года, и уже на следующий год родители переехали в Орёл. С детства он был очень религиозен, и родители решили направить сына по церковной стезе. Его определили в 1-е Орловское духовное училище, которое он благополучно окончил и перешёл учиться в Орловскую духовную семинарию. Здесь он не только продолжил образование, но и готовился стать священнослужителем. В ранних биографиях нашего персонажа указывается, что «...П. И. резко отличался от своих товарищей. Он жил совсем не их жизнью, да он почти не жил в действительности, в настоящем. Вся его жизнь была в книгах. С утра до поздней ночи он где-нибудь в уединённом уголке лихорадочно глотал книги одну за другою» [25, с. 8].

Однако это была противоречивая натура. Стремление к уединению, книжному чтению сочеталось в нём с неуёмным желанием поделиться с другими своими открытиями, внутренними переживаниями. Он старался заразить и своих товарищей чтением. По его инициативе семинаристы читали и обсуждали прочитанное, в складчину покупали книги, выписывали газеты. В то же время он не участвовал в дружеских попойках и, более того, сам вступил в общество трезвости, созданное знаменитым русским учёным и педагогом Сергеем Александровичем Рачинским (1833–1902 гг.), с которым находился в переписке. Следует отметить, что Рачинский переписывался с писателем Львом Николаевичем Толстым (1828–1910 гг.), философом Василием Васильевичем Розановым (1856–1919 гг.), юристом и царедворцем Константином Петровичем Победоносцевым (1827–1907 гг.) и другими русскими мыслителями [36, с. 7]. Находиться в этом ряду адресатов С. А. Рачинского скромному орловскому семинаристу было, безусловно, большая честь.

Пожалуй, самым дерзновенным поступком юного Кречетова-семинариста было написание сочинения по Священному Писанию на выпускных экзаменах в 5-м классе, изложенное, как пишут его биографы, в «духе Ренана» [25, с. 8]. Тут надо иметь в виду два обстоятельства. Сочинение Э. Ренана «Жизнь Иисуса», впервые появившееся на свет в 1863 году, не переводилось и не издавалось на русском языке вплоть до начала XX века, когда после первой русской революции в России была ослаблена цензура [35]. Вряд ли юный Кречетов, которому исполнилось всего 18 лет, мог держать в руках эту книгу, так как она была запрещена в России. Основная её идея состоит в том, что Иисус Христос — это живой человек, а не библейский миф, хотя и имеющий реальную подоплёку. В семинаристском сочинении П. И. Кречетов не мог изложить развёрнуто свою позицию. Но она в корне расходилась и с позицией Русской

православной церкви, принимающей в широком смысле учение диофиситов (греч. *διο* — две, *φοίτης* — природы) о двух «неслиянных» природах Христа, и человеческой, и божественной, и с теми христианскими монофиситскими верованиями, которые признают единую — божественную — природу Христа. Разразился скандал, и юный «вольнодумец» чуть было не вылетел из семинарии. Тогда ему простили, но припомнили при выпуске из семинарии после шестого курса обучения. Он был единственным выпускником Орловской семинарии 1893 года, не посвящённым в стихарь, то есть не облачённым в одежду дьякона [25, с. 9].

Кречетову так же, как и его отцу, «светила» карьера псаломщика в церкви. Однако, полный стремления служения народу, он попытался пойти иным путём — стать учителем сельской церковно-приходской школы. С. А. Рачинского справедливо считают идеологом церковно-приходской школы. Тем не менее его педагогические идеи не укладываются в прокрустово ложе религиозного образования. Так, Рачинский однозначно высказался за соединение обучения с воспитанием в школах, и не просто воспитания, а духовно-нравственного, за совместное обучение девочек и мальчиков в сельских школах [34]. Вероятно, эти идеи вдохновляли молодого учителя. И первое, с чего он начал свою работу в школе, — создал на свои средства библиотеку для детского чтения, постарался открыть общество трезвости для взрослых. Сама деревенская жизнь была далека от того идеала, что описывал Рачинский в своих очерках, а принять её такой, какой она есть, самоотверженно трудиться на ниве просвещения деревенских ребятишек молодой Кречетов был не готов. Кроме того, бывший семинарист, весьма начитанный и активный, жаждущий знаний, не мог не чувствовать недостатка и однобокости своего образования, полученного в церковном учебном заведении. С разрешения министра народного просвещения Ивана Давыдовича Делянова (1818–1897 гг.) в конце октября 1894 года Кречетов поступил на юридический факультет Юрьевского (Дерптского) университета, который окончил в 1900 году. В том же году он устроился работать чиновником в Лифляндское губернское правление (г. Рига).

Творческая зрелость

Тартуский (Дерптский, Юрьевский) университет, основанный в 1632 году, — старейший университет в Восточной Европе и старейший из существовавших в Шведском королевстве (тогда Прибалтика входила в состав королевства). Изначально он был назван *Academia Gustaviana* в честь шведского короля Карла Густава II Адольфа, подписавшего в год своей смерти указ о его основании, и вёл преподавание на шведском языке. В период Северной войны (1700–1721 гг.) университет прекратил свою деятельность и открылся вновь

только в 1802 году уже при российском императоре Александре I [43, с. 857]. Несмотря на более чем 80-летний перерыв в своей работе, университет сохранил свою специфику — готовить специалистов с высшим образованием из остзейских немцев, так как преподавание в нём велось на немецком языке. Это, с одной стороны, открывало возможности для научного и образовательного обмена между российскими и европейскими учёными, преподавателями и студентами, а с другой — ставило остзейских немцев в привилегированное положение по отношению к остальным подданным империи. «Русификация» Юрьевского университета, проводимая в период «контрреформ» Александром III, объективно вела к демократизации образовательного процесса. Непосредственно на юридическом факультете ведение дисциплин на русском языке началось с 1889 года. Преподаватели, которые читали лекции на русском языке, стали получать повышенное жалование [24, с. 139]. Это открывало двери университета для россиян всех национальностей, так как русский язык уже в 19 столетии становился языком межнационального общения.

С другой стороны, в царской России в XIX веке поступить беспрепятственно в университет могли только лица, окончившие гимназии, остальные обладатели среднего образования (выпускники семинарий, реальных училищ) могли сделать это только с высочайшего соизволения министра. Исключение делалось только для вновь открывшегося Томского университета, так как в Сибири гимназий было крайне мало [24, с. 139]. Вероятно, ехать в далёкую и неведомую Сибирь П. И. Кречетов тогда ещё не был готов.

Таким образом, выбор учебного заведения был вовсе не случаен. Он был обусловлен не только тем, что Юрьевский университет был более доступен для молодых людей, но и более привлекателен — для властей русские студенты были здесь желательные. Более того, он имел имидж одного из наиболее либеральных высших учебных заведений страны, куда переводились студенты, исключённые по тем или иным причинам из других вузов страны [43, с. 859].

П. И. Кречетов отличался от своих сверстников не только мечтательностью, стремлением к уединению и размышлению, но и небывалой публицистической активностью. Первая его статья появилась в «Орловском вестнике» 2 июня 1889 года, когда ему было всего 16 лет. Затем он помещал свои произведения в следующих изданиях: «Современный театр и музыка», «Живописное обозрение», «Театр и искусство», «Самарский вестник», «Русский паломник», «Орловские губернские ведомости», «Рижские новости», «Рижская мысль», «Рижский вестник», «Русское богатство», «Русские ведомости», «Наша жизнь», «Сын Отечества», «Мировые отголоски», «Биржевые ведомости», «Русская жизнь», «Живописное обозрение», «Северный курьер»,

«Петербургские ведомости», «Петербургская жизнь», «Смоленский вестник», «Орловский вестник» и других. Восстановить в полном объёме творческое наследие П. И. Кречетова не представляется возможным. Его статьи, как мы видим, разбросаны по десяткам изданий, многие из которых не дошли до нашего времени. Кроме того, зачастую он писал их под псевдонимами, другие и вовсе не подписывал.

Если попытаться определить его творческое амплуа, то ближе всего к нему подходит слово «литератор». Это и писатель, и поэт, и публицист, и литературный, и театральный критик, и редактор, и издатель, и, безусловно, журналист в одном лице. Однако писательство было его призванием, но отнюдь не профессией. Он был семинаристом, студентом университета, учителем, чиновником и всё это время совмещал основные занятия с литературным трудом.

Его произведениям свойственна высокая степень рефлексии как своих внутренних переживаний, так и происходящего вокруг него. Так, в 1892–1893 годах в печати появились его статьи под характерными названиями: «Задачи школы», «Сельские учителя», «Значение систематического чтения», «К вопросу об экзаменах», «Нужны ли баллы?»³. Автор, ещё не будучи учителем, уже пишет свои соображения о своей будущей профессии, а, став им, высказывает критические суждения о существовавшей балльной системе оценки знаний в начальной школе, где он преподавал.

Он живо откликался на все важнейшие события из жизни родного края. В 1897 году в приветственной телеграмме в адрес Орловского общества изящных искусств, организовавшего чествование памяти И. С. Тургенева, он писал: «У меня с именем И. С. соединяется представление о минувших днях моей духовной жизни, о лучших чувствах и благородных порывах, волновавших меня» [25, с. 13].

Кречетов был не просто сторонним зрителем, описывающим свои наблюдения, но и деятельным исследователем-краеведом. Летом 1894 года, перед поступлением в университет, он совершил путешествие по Тульской, Орловской, Черниговской, Смоленской, Курской губерниям, изучая их в историко-этнографическом и экономическом отношениях. Результатом этой поездки явилась книга «Родной край». Впервые она вышла из печати в 1889 году в Орле [45], а затем была переиздана в Риге [15], где в это время служил П. Кречетов. Современные исследователи отмечают остросатирический стиль изложения материала. Особой критике подверглась интеллигенция, которая в уже укоренившейся в конце XIX века традиции должна была быть полна благородных идей служению народу, но быстро шла на дно сонного провинциального болота, предавшись

³ Сами статьи П. И. Кречетова нам оказались так же недоступны, как и газеты, в которых они были опубликованы. Здесь мы доверяемся его биографам [см.: 6].

пьянству. В то же время в книге содержатся интересные наблюдения по экономике городов средней полосы России, их быта и нравов. Поэтому она не потеряла своё научное и познавательное значение и в наши дни. Учитывая это обстоятельство, в 2003 году в серии «Золотая книга Орловщины» вышла книга, содержащая выдержки из названного дореволюционного издания [10].

Пробовал себя П. И. Кречетов и как литературный критик. В 1903 году из-под его пера вышла небольшая брошюра, посвящённая широко известным в начале прошлого века писателям: Алексею Максимовичу Пешкову (псевд. Максим Горький) (1868–1936 гг.) и Леониду Николаевичу Андрееву (1871–1919 гг.) [12]. Можно предположить, что выбор персонажей этой книги был обусловлен не только их небывалой популярностью, не тем, что оба они пытались в молодости свести счёты с жизнью, что не ускользнуло от внимания автора. В остальном они были людьми разными. М. Горький — босяк, опускавшийся на самое дно жизни и приведший в русскую литературу таких же босяков, как и он сам. Он практически нигде не учился. Второй персонаж, несмотря на то что рано лишился отца, с трудом, но окончил гимназию, а затем — университет. Но если произведения первого, вопреки всему, полны сдержанного оптимизма, то у второго, наоборот, ввергают читателя в определённое уныние. Однако оба они одарённые писатели, предчувствующие будущую драму и трагедию русского общества начала XX века. И хотя П. И. Кречетову более симпатичен как писатель М. Горький, «достаётся» и ему. Так он пишет: «Большие произведения: “Фома Гордеев”, “Трое” и начало повести “Мужик” в художественном отношении стоят ниже рассказов. В них есть отдельные прекрасные места, но в целом они крайне растянуты. Повторяются целые сцены. Так, мы выше привели из рассказа “Тоска” превосходную сцену хорового пения в трактире. Вариации на эту тему есть и в “Троих”, и в “Фоме Гордееве”, но в них уже нет той поразительной силы и красоты, от которых в жутком умилении рыдал мельник в “Тоске”» [12, с. 24].

По воспоминаниям его сокурсников, П. И. Кречетов был заядлым меломаном и театралом — несколько статей, опубликованных им, посвящено русскому фольклору крестьян Орловской губернии. Ещё более чётко проявились его театральные пристрастия в 1899 году, когда он опубликовал небольшой очерк, посвящённый крепостному театру графа Сергея Михайловича Каменского (1871–1835 гг.) [30, с. 5–15], который стал прообразом одного из героев повестей — Александра Ивановича Герцена (1812–1870 гг.) «Сорока-воровка» и Н. С. Лескова (1831–1895 гг.) «Тупейный художник». Последний, вероятно, сгустил краски, охарактеризовав заведение С. М. Каменского как театр-тюрьма, тем не менее, нравы в нём были суровые. Граф самолично

сёл крепостных артистов за любые оплошности на сцене. Очерк П. И. Кречетова представляет набор исторических анекдотов об этом театре, который с 1814 по 1834 год был единственным в Орле публичным постоянно действующим театральным заведением.

В 1910 году им была издана небольшая брошюра, посвящённая жизни и творчеству двух прославленных оперных певиц и танцовщиц: Марии Николаевны Кузнецовой (1880–1966 гг.) и Лины Кавальери (1874–1944 гг.). Принцип подбора персонажей для обоих очерков тот же, что и в брошюре о двух русских писателях: сопоставление и противопоставление судеб и творчества талантливых людей.

Первая — баловень судьбы, родилась в семье академика Академии художеств Николая Дмитриевича Кузнецова (1850–1929 гг.), в молодости бунтаря, художника-передвижника, в зрелом возрасте — маститого художника-портретиста, кисти которого принадлежит классический портрет Петра Ильича Чайковского (1840–1893 гг.). Именно с детских впечатлений маленькой Маши Кузнецовой от встреч с великим композитором начинается очерк П. И. Кречетова о певице. Разумеется, она получила блестящее музыкальное образование, и в целом её артистическая карьера была безоблачна вплоть до 1917 года.

Лина Кавальери родилась в Риме и, наоборот, была из бедной итальянской семьи. Она рано начала работать, затем выступала как певица и танцовщица в различного рода увеселительных заведениях, а то и просто на улицах Рима, и только в 1894 году попала на сцену театра. В 1897

С. М. Каменский

Лина Кавальери

году она впервые приехала в Россию и в течение шести следующих лет регулярно бывала в нашей стране. Безусловно, обе женщины были талантливы и как певицы, и как танцовщицы. А ещё они были очень красивы, что также помогало их сценической карьере.

Возвращаясь к очеркам, посвящённым двум оперным дивам, следует отметить, что в целом они написаны в благожелательном тоне. Провинциальный чиновник, каким был П. И. Кречетов, вряд ли мог видеть часто блистательных актрис на сцене, а потому доверился театральным критикам, которые публиковали свои отчёты об их выступлениях.

Критические и остросатирические статьи в периодических изданиях вызывали живой отклик у обывателей, и не всегда благожелательный. Он писал: «Девять лет скоро будет, как я сделался корреспондентом. Не много времени, но сколько пережито, сколько перечувствовано! Вас ругают, над вами смеются, вас избегают. Но хорошо было бы, если бы вы только один страдали. Нет, из-за вас страдают и родственники. Им говорят: это ваш родственник пишет? И их начинают теснить. Я имел неосторожность описать порядки или, вернее, беспорядки в одном учебном заведении, и моего брата оттуда исключили. Вы не можете служить, потому что начальство вам говорит: «...что-нибудь одно — иди служить, или писать!» [25, с. 13]. И эти слова принадлежат 26-летнему молодому человеку.

1890-е годы — время бурных исканий студенческой молодёжи. Демократизация студенческих учебных заведений приводила к периодически вспыхивающим студенческим волнениям [46, с. 121]. Какова была позиция самого П. И. Кречетова?

Несмотря на то что с подачи того же И. Д. Делянова создание каких-либо студенческих корпораций в вузах было строжайше запрещено [4, с. 112], в Юрьевском университете активно действовало Общество русских студентов. Оно было создано в начале 1890-х, и активным его членом был П. И. Кречетов. Кроме того, в бытность его студентом существовало ещё одно неформальное студенческое объединение «Белые слоны», в котором состояли студенты, предававшиеся разгульной жизни, проматывавшие деньги, полученные от родителей на учёбу. Как правило, это были отпрыски состоятельных родителей.

Общество русских студентов объединяло в своих рядах романтических, ищущих ответа на животрепещущие вечные вопросы молодых людей. В 1904 году П. И. Кречетов вспоминал: «В помещении обще-студенческой столовой происходили бесконечные споры марксистов и народников. Многие студенты до крайности увлекались марксизмом или народничеством и, кроме Маркса, Туган-Барановского, Н.-[атан]сона, П. Струве, Бельтова, ничем другим не интересовались» [16 с. 358]. В этих словах чувствуется

двойственность автора. С одной стороны, он прекрасно был осведомлён о том, что обсуждалось в студенческом обществе, а с другой — по прошествии нескольких лет после окончания университета считал это увлечение народничеством и марксизмом «крайностью», отвлекающей от основного занятия — учёбы. В предложенном Кречетовым списке молодёжных кумиров, кроме Марка Андреевича Натансона (1850–1919 гг.), одного из лидеров народников, а затем эсеров, преобладают марксисты: Михаил Иванович Туган-Барановский (1865–1919 гг.), Пётр Бернгартович Струве (1870–1944 гг.), Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918 гг.) (Бельтов). Примечательно то, что ни один из них не принял Октябрьскую революцию 1917 года.

Сам Кречетов, полагаю, читал Карла Маркса (1818–1883 гг.) и был знаком с трудами видных русских «легальных» марксистов. Об этом свидетельствует тот факт, что он основательно проштудировал работу своего земляка Сергея Николаевича Булгакова (1871–1944 гг.) «Капитализм и земледелие». В молодости известный религиозный мыслитель не миновал увлечения марксизмом. Однако уже в этой работе С. Н. Булгаков, имея в виду К. Маркса, писал: «...Он считал возможным мерить и предопределять будущее по прошлому и настоящему, между тем как каждая эпоха приносит новые факты и новые силы исторического развития... Поэтому, что касается предсказаний на будущее, то честное *ignotamus* мы предпочитаем социальному знахарству или шарлатанству» [3, с. 457–458]. Возражая С. Н. Булгакову, П. И. Кречетов писал: «В силу принципа, что *savoir c'est prévoir*⁴, можно сказать, что без возможности предсказаний нет науки и нет теории. Отрицательный вывод г. Булгакова получился лишь оттого, что во всех своих теоретических рассуждениях он неизменно исходит от Маркса и возвращается к Марксу» [11, с. 73]. Из этой цитаты видно, что П. И. Кречетов критически отнёсся к выводам С. Н. Булгакова и сочувственно — к марксизму. Более того, он также внёс свой вклад в дискуссию между народниками и легальными марксистами, опубликовав в печати статьи под характерными заголовками: «Кустарные промыслы в Орловской губернии» (1894 г.), «Заводская и фабричная промышленность и отхожие промыслы» (1894 г.), «Экономическое положение Орловской губернии» (1895 г.), «О развитии промышленности в Орловской губернии» (1896 г.), «Из экономической жизни Лифляндской губернии» (1901 г.) [6, с. 39]. Очевидно, что проблема развития капитализма в России волновала Кречетова со студенческой скамьи, и последняя публикация по этой теме была сделана тогда, когда он уже стал чиновником. И совершенно понятно, на

⁴ *Savoir c'est prévoir* — с французского дословно «знать — значит мочь», лаконично — «знание — сила».

чьей он стороне. Однако с годами его взгляды меняются, что нашло отражение и в его поступках, и в его творчестве.

В 1899 году на квартире П. И. Кречетова полицией был произведён обыск. К счастью для него самого, он не подвергся аресту, но в ходе обыска у него были безвозвратно изъяты материалы к публикациям и его богатый архив, о чём он долго сокрушался [6, с. 38]. Причины обыска очевидны — его публицистическая деятельность. По-видимому, этот обыск, а также смерть отца и материальные трудности помешали ему вовремя окончить университетский курс. Вместо положенных четырёх-пяти лет он учился все шесть.

До 1905 года П. И. Кречетовым было написано две драмы: «Бюрократия» и «За любовь и правду». Но обе они не были опубликованы, а текст их был уничтожен автором, так как цензура признала их неудобными к представлению на сцене [25, с. 11].

В 1909 году ему удалось опубликовать небольшую по объёму художественную книгу «Эскизы». Она включает в себя несколько произведений, которые объединены повествованием о неразделённой или безответной любви в духе романа в письмах «Страдания юного Вертера» Иоганна Вольфганга фон Гёте (1749–1832 гг.). Но это не есть подражание сентиментализму рубежа XVIII–XIX веков. Современный исследователь Н. Н. Кундаева относит «Эскизы» П. А. Кречетова к малой импрессионистской прозе, получившей распространение в первой трети XX века. Она, таким образом, определяет этот жанр литературы: «Импрессионизм является феноменом, рождённым на стыке искусств (литературы, изобразительного искусства, музыки) и разных типов культур (классического, с его вниманием к точности изображения внешнего мира и внутреннего состояния личности, и модернистского, со свойственной ему предельной субъективной окрашенностью образа мира, опорой на деформацию как структурообразующий жанровый принцип)» [18, с. 6]. Действительно, герои Кречетова поют романсы, посещают концерты, присутствуют на литургии, на балах, лют слёзы под звуки музыки и т. д. Само название «эскиз» можно встретить и в лексиконе художников. Это предварительный набросок. Музыканты используют сходное понятие «этюд» — учебное произведение для начинающих музыкантов. Интересно, что слова «эскиз», «этюд» и схожие с ними встречаются в названиях произведений многих писателей, писавших в импрессионистском жанре⁵. Автор уловил время, запросы тонкой и чувствительной

интеллигентной натуры. В то же время это не только дань моде. Лично Кречетов пережил какую-то любовную драму, оставившую в его душе глубокий след, в результате чего он до конца жизни остался холост.

Анализ произведений Кречетова подтверждает тезис исследователя о том, что «...в любом произведении, содержащем импрессионистскую составляющую, доминирует энергия примирения и гармонии (в этом принципиальное отличие импрессионизма от других модернистских тенденций, в частности от экспрессионизма, связанного с выражением энергии неприятия действительности)» [18, с. 13].

В 1910 году П. И. Кречетов выпустил небольшую брошюру, посвящённую выдающемуся русскому реформатору П. А. Столыпину. Это, пожалуй, первая из опубликованных его прижизненных биографий. Автор буквально боготворит своего героя. Подводя черту, П. И. Кречетов пишет: «...путь, на который П. А. Столыпин решительно и смело вступил, — верный и надёжный путь свободы, мира, цивилизации и прогресса» [14, с. 32].

В чём причина такого поворота на 180 градусов — от марксизма, критического настроения к окружающей действительности к примиренчеству, а затем и к охранительству? Надо помнить, что легальные марксисты, к которым тяготел Кречетов, вовсе не были революционерами-экстремистами. В марксизме их больше всего привлекали два момента: во-первых, обоснование неизбежной победы капиталистических отношений в России и, во-вторых, блестящее доказательство прогрессивности капитализма в сравнении с феодализмом. Социализм как цель и как идеал был им чужд.

С другой стороны, Кречетов пережил не только личную драму, отразив её в своих художественных произведениях. Он стал свидетелем кровавых событий, развернувшихся в Латвии и непосредственно в Риге. В 1905–1907 годах по накалу борьбы латвийская столица уступала лишь Санкт-Петербургу и Москве. Бурлили митинги и демонстрации, бастовали десятки тысяч рабочих, горели помещичьи усадьбы. На улицах Риги, в деревнях, в тюрьмах карателями были расстреляны и замучены без суда и следствия десятки рабочих и крестьян, русских и латышей [см.: 47]. Нынешние латышские историки пытаются трактовать события 1905–1907 годов как вооружённое восстание против национального гнёта [49]. Но в лозунгах, выдвинутых выступившими против существующей власти рабочими и крестьянами, содержались социальные, а не национальные требования. Неслучайно свидетели и участники тех далёких событий — латышские стрелки — стали преторианской гвардией Владимира Ильича Ленина (1870–1924 гг.), спасшей его правительство от левоэсеровского мятежа в июне 1918 года. Однако для себя П. И. Кречетов сделал один вывод: революция — это кровь, и тот, кто поднялся на восстание, спровоцировал кровопролитие.

⁵ Е. Милич, «Наброски пером»; А. Трубников, «Моя Италия. Наброски переживаний»; Д. Дрейф, «Эскизы»; Б. Гунько, «Былое. Этюд»; И. Бунин, «Осенью. Эскиз»; Б. Зайцев, «В дороге. Эскиз»; Е. Тагер, «Дорога к счастью. Этюд»; В. Серов, «В паутине жизни. Этюды»; М. Бобровский, «Этюды в прозе»; Н. Колоколов, «Этюды»; Р. Яковлевский, «Этюды, эскизы, наброски»; В. Стражев, «Эскизы», и др. [см.: 18, с. 13].

Провинциальный чиновник

В 1900 году перед П. И. Кречетовым, окончившим в этом году университет, был выбор: идти в профессиональные литераторы, а он к этому времени много публиковался в печати, или использовать полученный диплом по назначению и идти в чиновники. Как уже указано выше, он сделал выбор в пользу второго. Нам доподлинно не известно, чем был обусловлен его выбор. Однако судя по тем документальным свидетельствам, которые мы имеем, служил он честно и добросовестно.

Сразу по окончании курса в университете 17 мая того же 1900 года П. И. Кречетов был принят чиновником особых поручений Лифляндской казённой палаты. Затем занимал должности столоначальника в столах: торговом, наследственном, квартирном, окладном и в столе по заведыванию делами податной инспекции. 31 мая 1901 года он по прошению был причислен к штату чинов Лифляндского губернского правления, где был задействован как делопроизводитель губернской чертёжной и губернского правления. 8 февраля 1902 года он был назначен на должность секретаря Лифляндского губернского по городским делам присутствия.

В августе 1903 года П. И. Кречетов был откомандирован в распоряжение командира 20-го армейского корпуса генерала от кавалерии Семёна Васильевича Коханова (1842–1908 гг.), штаб которого располагался в Риге. Коханов командовал южным отрядом войск во время больших манёвров, проходивших под Псковом, в ходе которых было задействовано большое число войск. Это было крупнейшее военное учение русской армии накануне Русско-японской войны. Сам Кречетов непосредственно отвечал за сношения войск с местными гражданскими властями. За деятельную и энергичную работу Кохановым была объявлена ему сердечная благодарность [6, с. 35].

С 27 сентября 1905 года П. И. Кречетов заведовал делопроизводством Лифляндского губернского комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией. Достаточно долго — с 22 августа 1905 года по 8 декабря 1908-го — он работал в особом делопроизводстве по выборам в Государственную думу по Лифляндской губернии.

Официально к 1903 году Кречетов имел уже чин губернского секретаря [27, с. 10], что соответствовало 12 классу Табели о рангах. В целом служба шла для него не плохо, так как выпускник университета мог сразу рассчитывать на должность, соответствующую 14 классу. За каких-то два года Кречетов сумел подняться на две ступени Табели о рангах. В 1909 году, находясь официально в той же должности, что и в 1903-м, он имел уже чин титулярного советника [28, с. 7], то есть поднялся ещё на три ступени

Табели о рангах. За это время он сменил как минимум две частных квартиры в Риге. Первая находилась по адресу: улица Романовская (ныне ул. Лачплеша), дом 89, квартиры 19 [27, с. 237], вторая — улица Столбовая, дом 41 [28, с. 312]. Неизвестно, по какой причине наш герой из центральных исторических районов города переселился ближе к окраине.

Вот характеристика, данная его бывшими сокурсниками по университету: «Как чиновник П. И. отмечал, что он отличается исполнительностью, аккуратностью и честностью. За всё время своей службы он никогда не пользовался отпуском, отлучаясь только в праздники и в исключительных случаях — в будние дни; за всю свою службу в Риге он пропустил всего 25 присутственных дней. Чрезвычайно вежливый и обходительный со всеми, П. И. отличается особенною обходительностью с простым народом, являющимся в канцелярию. Просто, беспритязательно, применяясь к понятиям и знаниям просителей, он объясняет им дело, ради которого они явились, затрачивает иногда на это много времени, но не считает его бесплодно потерянным... В личной жизни это человек в высшей степени мягкий, деликатный, незлобивый, добрый и отзывчивый на всё хорошее. Не склонный к жалобам на удары судьбы, к излишним интимного характера, он, однако, не является замкнутым человеком. П. И. — самый товарищ, не отказывающий никому в помощи, в любую минуту многие и многие находят у него слово утешения и помощь» [25, с. 13–14].

Однако Кречетов был не только ревностным чиновником, но успевал заниматься общественной деятельностью. Тот же источник пишет: «Он принимал участие в орловских и рижских просветительных и благотворительных обществах. П. И. отдавал не только свой труд, но и сердце на дело благотворительности и бескорыстное служение обездоленному ближнему» [25, с. 14].

28 июля 1906 года П. И. Кречетов был избран членом и секретарём комитета Рижского благотворительного общества для призрения русских бедных. Продолжим цитирование его восторженного поклонника: «Он вносил в дело воспитания и обучения бедных детей этого общества столько света, сердечности и любви, влияя добрым советом на руководителей и учителей и появляясь среди детей как во время учебных занятий, так и во время отдыха» [25, с. 14].

Дальний Восток

В 1910 году случилось неожиданное: П. И. Кречетов исчез из информационного пространства своих земляков и почитателей. А они у него были, судя по справочнику студентов Юрьевского университета, который мы неоднократно цитировали. Он «всплыл» благодаря другому источ-

нику — справочнику Б. И. Ивашкевича⁶ [6], выпущенному во Владивостоке в 1922 году, в котором был опубликован пространный биографический очерк о П. И. Кречетове.

Итак, в октябре 1910 года вследствие просьбы Николая Николаевича Витковского (1865–? гг.), управляющего Амурской казённой палатой, П. И. Кречетов переводится из Риги в Хабаровск и назначается чиновником особых поручений при данном учреждении. Каким образом и где пересеклись пути этих двух чиновников, служивших в разных концах Российской империи, выяснить не удалось. 15 июля следующего года Кречетов назначен заведующим 2-м отделением палаты. В феврале 1912 года он уже податный инспектор Иманского, Ольгинского и Никольск-Уссурийского уездов. Одновременно состоял в Никольске-Уссурийском членом Южно-Уссурийского съезда крестьянских начальников и уездного попечительного совета. В обязанность податного инспектора входило принимать активные меры к привлечению новых налогоплательщиков прямых и косвенных налогов и сборов, наблюдать за взиманием прямых государственных и местных налогов, следить за соблюдением всеми сословными и общественными учреждениями правил счетоводства. Он вёл сбор сведений об экономическом состоянии населения податного участка и об их платежеспособности и другом [9]. Кречетову было хорошо известен характер такой работы: в начале XX века он поместил специальную заметку, посвящённую промыслам крестьян Орловской губернии, дававшим им дополнительные неучтённые доходы. В то же время непосредственной раскладкой налогов среди населения и, главное, взиманием недоимок, то есть долгов, занимались сословные — городские и сельские органы, а также полиция. Главными налогоплательщиками были крестьяне. По этой причине П. И. Кречетов был членом съезда крестьянских начальников.

Институт податных инспекторов был создан в 1885 году и находился в привилегированном положении. Инспекторы получали 1500–1800 рублей ежемесячного оклада, без региональных доплат, которые полагались им на Дальнем Востоке. У каждого из них была именная собственная печать. Для поступления на работу они должны были иметь высшее образование. К 1910 году 95 процентов податных инспекторов окончили вузы. Как и все чиновники, при поступлении на службу они давали присягу государю императору. Но, кроме этого, они же давали расписку о том, что не будут состоять ни в каких общественных и политических организациях [9, с. 14].

17 марта 1914 года, накануне Первой мировой войны, Кречетов получает чин надворного советника, что соответ-

ствовало 7 классу Табели о рангах, армейский чин — подполковника [23]. Дальнейшее продвижение по чиновничьей лестнице для Кречетова застопорилось. За десять неполных лет, с 1914-го по январь 1924 года, на Дальнем Востоке один за одним менялись публичные властители: до 1917 года существовал царский режим, в 1917 году Временное правительство сменилось Советами, в 1918 году установилась власть социалистических партий, а в конце того же года — диктатура Александра Васильевича Колчака (1874–1920 гг.), в конце 1919-го последний был свергнут и предан суду, с апреля 1920-го установилась власть Дальневосточной республики, на следующий год в Приморье — власть Временного Приамурского правительства. В 1922 году Дальний Восток присоединился к Советской России. И всё это время Кречетов оставался на своей должности. Правда, небольшие подвиги были, но в целом он не менял место работы. Так, с 1 мая 1919 года Кречетов занимает должность податного инспектора 2-го Никольск-Уссурийского городского участка. Такое перемещение было вызвано, вероятно, тем, что колчаковские правители слабо контролировали сельскую местность, находящуюся во власти партизан. Для Кречетова такое перемещение было также и благом, так как не надо было мотаться по приморским сёлам, проверяя финансовое делопроизводство волостных правлений. После восстановления советской власти в регионе Кречетов стал работать финансовым инспектором, что, впрочем, не меняло круг его обязанностей. На примере Кречетова можно сделать один вывод: власти меняются, а налоги собирать нужно и без грамотного специалиста здесь не обойтись.

С 20 августа 1919 года Кречетов был принят преподавателем истории в старших классах 1-й Никольск-Уссурийской женской гимназии. По мнению исследователя О. Б. Лынша, молодое учебное заведение ничем не уступало Хабаровской и Владивостокской гимназиям [20, с. 83]. На работу его непосредственно принимала только что возглавившая учебное заведение Екатерина Павловна Пожарская, преподаватель русского языка, выпускница Петербургских высших женских курсов⁷. Однако какого-то заметного следа в истории

⁶ Сличение текста биографической статьи о Кречетове и послужного списка, хранящегося в его личном деле, выявляет во многих местах текстуальное сходство. Можно почти с полной уверенностью предположить, что Ивашкевич и Кречетов были даже знакомы между собой.

⁷ Пожарская (в замужестве Белобродская) Екатерина Павловна (Санкт-Петербург, 1886–? гг.), из дворян, православная, русская. Окончила Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге в 1910 г. В 1910–1912 гг. преподавала в гимназии в г. Зегевольде (с 1918 г. Сигулда) в Латвии. С 1 января 1912 г., согласно прошению, назначена наставницей в Никольск-Уссурийскую женскую учительскую семинарию. С 1 июля 1914 г. — учительница русского языка в женской гимназии, в 1919–1922 гг. — начальница 1-й женской гимназии. Уволена со службы приказом Никольск-Уссурийского военревкома 20 октября 1922 г. Прибыла в Маньчжурию в 1922 г. из Никольск-Уссурийского через станцию Пограничную. С 1923-го по 1940 г. — преподаватель русского языка и истории реального училища г. Харбина, с 1940 г. — школы языкознания. Муж — Владимир Александрович Белобродский (?–1941 гг.), инженер, профессор Харбинского политехнического университета [см.: 2; 20, с. 237].

женской гимназии П. И. Кречетов не оставил. По крайней мере, О. Б. Лынша, посвятившая народному образованию Никольск-Уссурийского солидную монографию, ничего о его деятельности не пишет [20, с. 83].

Несомненно, по сравнению с Орлом, Юрьевом, Ригой и Хабаровском, Никольск-Уссурийский — медвежий угол. Это даже не губернский, а уездный город, удалённый от Северной столицы на 10 тысяч вёрст, население которого в 1910 году не составляло 34,5 тысячи человек (по сравнению с переписью 1897 г. численность населения возросла в три раза [39, с. 4, приложение]). Всё объясняется просто: после постройки КВЖД Никольск-Уссурийский становится важным железнодорожным узлом, соединившим между собой крупнейшие русские города региона — Владивосток, Хабаровск и Харбин. В городе и его окрестностях было расквартировано большое количество войск. Он был центром крупнейшего на Дальнем Востоке сельскохозяйственного района. В самом городе располагались главные железнодорожные мастерские Уссурийской железной дороги. О росте культурных запросов горожан свидетельствует тот факт, что в 1910 году в нём выходили следующие периодические издания: «Никольск-Уссурийский», «Справочник уссурийского сельского хозяина», «Приморский край», «Живое слово». В здании Народного дома Никольск-Уссурийского, построенного в 1908 году, имелся зрительный зал, вмещавший до 800 зрителей, ставились любительские спектакли [42], здесь же выступали с гастролями артисты-профессионалы. Знаток истории дальневосточного театра А. В. Шавгарова пишет, что к началу прошлого столетия на Дальнем Востоке прочно укрепились антрепренёры и актёры, десятилетиями работавшие только в этом регионе: Иван Маркович Арнольдов (1870–? гг.), Александр Александрович Иванов (1906–? гг.), Варвара Тимофеевна Варина, Михаил Николаевич Кисель-Загорянский (1875–? гг.), Мария Фёдоровна Кнауф-Каминская (?–1921 гг.), Константин Павлович Мирославский, Мария Николаевна Нинина-Петипа, Иван Николаевич Перестиани (1870–1959 гг.), Анна Михайловна Северская-Сигулина, П. С. Станиславская, Елизавета Ивановна Чалеева-Бельская (1880–1966 гг.). Работая только в Дальневосточном регионе, эти театральные деятели сознательно посвящали себя служению одному из самых отдалённых уголков провинциальной России [44].

По свидетельству Б. А. Ивашкевича, на Дальнем Востоке П. И. Кречетов сотрудничал с наиболее популярными региональными изданиями — газетами «Далёкая окраина» и «Голос Приморья». Просматривая их, мы убедились, что большинство публикаций, посвящённых местным событиям, либо не подписывались, либо подписывались псевдонимами. Возможно, что под псевдонимом Старый Театрал стоял П. И. Кречетов, внимательно отслеживавший все бенефисы

прославленных артистов на подмостках дальневосточных театров.

В 1921 году Александр Семёнович Яценко (1877–1934 гг.), в 1909–1913 годах преподававший юридические дисциплины в Юрьевском университете, в журнале, издаваемом им в Берлине в 1921–1923 годах, сообщил следующее: «П. И. Кречетов проживает в г. Никольск[е]-Уссурийск[ом] по адресу: ул. Супутинская, 12 (ныне ул. Вл. Давидовича Вейса. — М. К.), сотрудничает в местных газетах. Работал над следующими изданиями: “Русский биографический словарь”, “Уроженцы и деятели Орловской губернии”, “Уроженцы и деятели Приамурского края”, “Уроженцы и деятели Лифляндской губернии”, “Культурные сокровища России до 1917 г.”, “Некрополь России”, “Достопримечательности Петербурга до 1917 г.”» [48].

Полагаю, что эти исследования наш герой пытался вести по линии Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. задача которого было сохранение культурного наследия страны. Оно было создано в 1909 году и просуществовало вплоть до 1917-го. В него входили видные российские художники, архитекторы, меценаты и государственные деятели. На 1 января 1914 года общество насчитывало 590 индивидуальных членов [24]. Кречетов вступил в общество в индивидуальном порядке в 1912 году. Вписаться в его работу в одиночку на далёкой в прямом смысле окраине было очень сложно. Для этого необходима ещё и солидная база данных. Как пишет Б. А. Ивашкевич со слов П. И. Кречетова, после того как у него часть архива была конфискована полицией, «...он поручил охрану своих ценных антикварных книг и материалов по искусству своему брату, но последний, по незнанию, часть материала, как “ненужный хлам”, сжёг, а остальное продал за бесценок» [6, с. 37]. Вероятно, он имеет в виду своего брата, который был отчислен из гимназии за его публикации. Остаток личного архива погиб, когда Пётр Иванович попытался перевезти его на Дальний Восток...

В 1935 году желания Кречетова были намного скромнее. В анкете он написал о том, что готовит к печати «Биографический словарь русских деятелей на Дальнем Востоке и Маньчжурии». Вероятно, уже будучи в Приморье, а затем и в Маньчжурии, он начал с завидным упорством собирать информацию для новой книги. Однако и этим планам не суждено было осуществиться.

С переездом в Приморье общественная и публицистическая активность П. И. Кречетова снизилась. Помимо загруженности на работе, сказывались и служебные ограничения. Интересно, что весной 1917 года, когда на волне революционной эйфории горожане попытались возродить Общество трезвости, П. И. Кречетова среди этих активистов не было. Тем не менее в апреле 1917 года он принял уча-

стие в заседании редакционной коллегии самой популярной уссурийской газеты «Уссурийский край» [26], бессменным редактором и издателем которой был Карл Иванович Лепин (Рига, 1880–? гг.). Последний, по данным никольской полиции, был социал-демократом. Цель этого совещания вполне понятна. События в столице, приведшие к ликвидации царской власти, требовали от редакции корректировки издательской политики. Резко вырос поток информации, идущей из центра страны, проснулась глубинка. Теперь уже не требовалось продуцировать скандалы, чтобы привлечь к газете читателей, нужно было оперативно и верно освещать события в центре и на местах.

Что сблизило в 1917–1920 годах «левака» К. Лепина и «охранителя» П. И. Кречетова? Прежде всего, оба они заняли оборонческую позицию по отношению к мировой войне и одновременно считали большевиков безответственными политиками, ведущими к гибели завоеваний Февраля. Ни о какой социалистической революции они и слышать не хотели. Это, соответственно, отразилось на содержании публикаций в газете.

В январе 1923 года К. И. Лепин был арестован и уже в марте того же года приговорён революционным военным трибуналом 1-й Забайкальской стрелковой дивизии (Никольск-Уссурийский) к лишению свободы на десять лет с конфискацией всего имущества, к лишению права издательства газет и редактирования их навсегда, с поражением в правах на пять лет. К этому времени была отстранена от работы и эмигрировала в Маньчжурию Е. П. Пожарская. Оба они, и К. И. Лепин, и Е. П. Пожарская, были близко знакомы с Кречетовым по совместной работе, и произошедшее с ними не могло не повлиять на его решение покинуть страну.

Эмиграция

В конце января 1924 года П. И. Кречетов бежит в Харбин, где переходит на вольные хлеба, занявшись журналистикой. Эмиграция развязала ему руки: он с головой окунулся в общественную работу и одновременно занялся профессионально журналистикой. Так, в феврале 1925 года он стал членом Харбинского комитета помощи русским беженцам и оставался в его руководстве вплоть до своего переезда в Хайлар. Комитет оказывал посильную помощь таким же, как Кречетов, эмигрантам в обустройстве в новой стране. Прежде всего им предоставлялась необходимая информация, позволявшая найти работу, решались юридические вопросы легализации и т. д. В этой связи юридическое образование П. И. Кречетова было очень востребовано. В первом параграфе устава этой организации был продекларирован её аполитичный характер. Однако в седьмом параграфе того же устава было чётко зафиксировано, что «...членами Комитета могут быть лица обоего пола, достигшие 21 года, не

признающие советскую власть и не зарегистрированные у Консула СССР» [40, с. 4]. Таким образом, комитет позиционировал себя как антисоветская организация.

В 1925–1927 годах Кречетов был издателем и редактором еженедельного журнала «Вестник железнодорожников». К сожалению, в богатейшей коллекции эмигрантских изданий Государственного архива Хабаровского края мы не обнаружили его. В нашем распоряжении оказался оцифрованный и выложенный в Интернет единственный номер «Вестника...», датированный 23 августа 1926 года [13]. Это еженедельное издание среднего формата, объёмом восемь страниц, причём последняя отдавалась под рекламу. Журнал позиционировал себя как орган литературы, науки и искусства. О политических пристрастиях издания можно судить по небольшой статье «Прежде и теперь». Её автор, некий Н. М. Никифоров, пишет: «А она — эта сов. власть — шлет на Амур из России десятки тысяч переселенцев, очищая земли в России для евреев». И в заключение: «Я сознательно говорю, что в России не просто советская, а еврейско-советская власть» [13, с. 3]. Ни тебе литературы, ни тебе искусства, ни тебе науки, а голый антисемитизм...

В том же номере журнала была напечатана благожелательная рецензия самого П. И. Кречетова на публикацию митрополита Антония «Догмат искупления». В этом сочинении владыка высказал идею, что искупление за грехи человеческие Иисуса происходит через любовь ко всему человечеству, проявленную в молитве в Гефсиманском саду («да минует Меня чаша сия»). Возможно, это напомнило уже зрелому П. И. Кречетову духовные искания его молодости. Однако позиция митрополита вызвала большую полемику среди православных богословов [41]. В 1920-х П. И. Кречетов пишет сочинение об архиепископе Андронике, которое, к сожалению, нами не обнаружено.

Однако главное состоит не только в том, что он выражает в этих работах, а в том, кому они посвящены. И митрополит Антоний (Храповицкий) (1863–1936 гг.), и митрополит Арсений (Владимир Александрович Никольский) (1870–1918 гг.) были яростными противниками «богоборческой» власти. Первый стоял во главе Русской православной церкви за рубежом, второй был расстрелян пермскими чекистами за призывы к священникам и мирянам бойкотировать новую власть. Из всего сказанного вытекает, что П. И. Кречетов в эмиграции занял не просто антисоветскую, а крайне антисоветскую позицию, что отразилось и на характере издаваемого им журнала. В итоге по требованию консульства СССР в Харбине китайские власти закрыли журнал. В межвоенный период, в 1922–1941 годы, в Харбине издавались сотни русских эмигрантских газет и журналов, большинство из которых закрылись из-за финансовых трудностей. Это, пожалуй, единственное из всех изданий, которое мне известно,

которое было закрыто из-за своей непримиримой антисоветской позиции.

С августа 1928 года Кречетов устраивается преподавателем истории в русской гимназии на станции Хайлар Китайской Восточной железной дороги. В неё он был принят с ведома и согласия директора гимназии Владимира Константиновича Левашко, с которым мог быть знаком ещё по Никольску-Уссурийскому⁸.

В. К. Левашко

О том, что представлял собой этот городок, свидетельствует проживавший там в 1920-х – 1930-х годах Евгений Васильевич Тулакин: «В начале 20-х годов здесь обособились и работали филиалы иностранных фирм, которые занимались скупкой и переработкой животноводческой продукции Монголии. На экспорт шли шерсть верблюдов и овец, кожи и мясные продукты. Население города росло за счет притока из России. Появились магазины, торгующие привозными товарами, пекарни, прачечные, бани и аптеки, были построены больница, пожарное депо и другие административные здания. Появилось то, без чего можно было бы обойтись: рестораны, маленькие кафе, значные места... В общем, за два десятилетия на пустом месте вырос город» [38, с. 2].

Несмотря на оторванность Хайлара не только от России, но и от центра русской эмиграции — Харбина, Кречетов продолжал участвовать в общественной жизни. С 1932 года он состоял членом Русского учительского общества Маньчжоу-Го, с осени 1933-го — Хайларского отделения Русского национального общества, был лектором-общественником в его молодёжном кружке. Как истинный верующий, не

просто регулярно посещал местную церковь Преображения Господня, а был членом совета прихожан.

В середине 1930-х, заполняя анкету в личное дело Бюро русских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ), в графе политические убеждения записал «монархист». Здесь надо сделать пояснение. Дело в том, что БРЭМ был создан в 1934 году формально властями Маньчжоу-Го, а на самом деле — японцами, которые полностью контролировали их. В задачу БРЭМа входило объединение русских эмигрантов для использования их в борьбе против СССР. Каждый эмигрант должен был встать на учёт в БРЭМе, и на каждого из них от 17 лет и старше заводилось «личное дело». В 1942 году в БРЭМе было зарегистрировано 36,7 тысячи человек в Харбине и 23 тысячи — вне его [1]. Сделал он эту запись не из соображений безопасности, ведь БРЭМ находился под полным контролем японских оккупационных властей, а по стойко сложившемуся ещё в 1910-х годах убеждению. В своей брошюре «Пётр Аркадьевич Столыпин» П. И. Кречетов писал: «В том и состоит непререкаемое достоинство самодержавного образа правления, что оно не опирается на партии, а потому партийность министра, как ближайшего советника и исполнителя воли верховной власти, в делах внутреннего управления, была бы для страны величайшим злом. Русский государственный деятель — не лидер партии, а самостоятельно мыслящий русский человек, душою и сердцем преданный своему Государю и отечеству» [14, с. 7].

При всех превратностях судьбы П. И. Кречетов оставался предельно честным и исполнительным человеком. В 1937 году в Хайларской гимназии разразился скандал. Родители гимназистов написали в БРЭМ жалобу на директора гимназии В. К. Левашко. По их мнению, он установил сверхвысокую плату за обучение в гимназии — от 50 до 150 гоби в месяц, в зависимости от класса — чем старше, тем больше. Для сравнения: сам директор получал в месяц 170 гоби, а его учителя — 50 гоби. Это прегрешение В. К. Левашко могли бы оставить без внимания, но последовал ещё один донос. Оказывается, он препятствует отправлению православных праздников, в частности не отпустил с занятий гимназистов в родительский день, но одновременно потакает празднованию советских праздников. Более того, укрывает от справедливого наказания хулиганов, достойных изгнания из учебного заведения. Кроме прочего, он не русский и говорит с каким-то то ли польским, то ли белорусским акцентом. Однако всё тот же Е. В. Тулакин, окончивший Хайларскую гимназию в 1932 году, через много лет вспоминая своё далёкое отрочество, свидетельствует, что, будучи директором гимназии, В. К. Левашко отличался демократизмом и простотой в общении со своими учениками. Причём ни о каком попустительстве речи и не шло. В гимназии царил строгий порядок [38, с. 1].

⁸ Левашко Владимир Константинович (1893–? гг.), родился в г. Борисове Минской губернии; отец — личный почётный гражданин. В 1910–1915 гг. учился в Московской сельскохозяйственной школе. В 1915–1916 гг. работал учителем агрономии при Никольско-Уссурийской опытной сельскохозяйственной станции. В 1916 г. окончил краткосрочную школу прапорщиков в Иркутском военном училище. В августе 1917 г. покинул военную службу в г. Красноярске и выехал на Дальний Восток, откуда эмигрировал в Маньчжурию. В 1918–1925 гг. — заведующий Хайларским начальным училищем, в 1925–1930 гг. — инспектор Хайларской гимназии, в 1930–1937 гг. — её директор. В 1939 г. работал контролёром в частной коммерческой фирме в Хайларе [19, л. 1–7].

П. И. Кречетов, середина 1890-х годов

П. И. Кречетов, 1935 год

В ходе проверки гимназии выяснилось, что Кречетов к данному скандалу не имеет никакого отношения, и более того, оказалось, что он был единственным учителем, имеющим высшее образование. Это и предопределило назначение П. И. Кречетова на должность директора гимназии. Последняя запись, датированная 1944 годом, в его личном деле: «Кречетов П. И., директор народной и повышенной народной школы в Хайларе, советник родительского комитета школы» [17, л. 7].

У нас есть возможность сличить две фотографии П. И. Кречетова. Одна сделана примерно в 1890-х годах, когда он был ещё студентом,

другая — клеена в его личное дело, относящаяся к середине 1930-х. Между ними около 35–40 лет. Несмотря на то что Кречетов обладал творческой натурой, чиновничья карьера отложила отпечаток не только на его личность, но и на его внешность. Его ученик, обучавшийся в Хайларской гимназии, охарактеризовал его таким образом: «Ярко выраженный человек в футляре — П. И. Кречетов. Преподавал историю и литературу» [38, с. 1]. Однако его натура контрастирует с его внешностью. Он отнюдь не чеховский учитель Беликов, стремящийся всеми силами отгородиться от всего мира, боящийся всего нового.

Заключение

Поставив в заголовок название известного и любимого мной стихотворения Михаила Юрьевича Лермонтова (1814–1841 гг.), я задумался: а что общего между великим русским поэтом и провинциальным интеллигентом П. И. Кречетовым? Ведь жили они в разное время, относились к разным сословиям, не соизмеримы были и масштабы их творчества, а кроме того, один прожил всего 27 лет, а другой более 70. Однако главное, что их объединяет — это глубокое чувство одиночества творческих личностей, отражённое ими в их произведениях. Они оба вынуждены были служить, хотя их призванием была литература, оба были глубоко религиозными, оба верили во всё очищающую силу любви, но по жизни остались одиночками. Кто знает, как бы сложилась судьба М. Ю. Лермонтова, не погибни он на дуэли? П. И. Кречетов жил, в отличие от М. Ю. Лермонтова, не в эпоху Николаевской реакции, а в период революций и бурных перемен первой половины XX века. Это обстоятельство не могло не сказаться на его судьбе. Суть трагедии П. И. Кречетова заключается в противоречии, которое преследовало русских интеллигентов на рубеже столетий, между предельной честностью и порядочностью, великими помыслами и благими пожеланиями и конкретными действиями, всё дальше и дальше уводящими их от положительных целей и, главное, результатов. Когда вся страна боролась за социальное и национальное освобождение, он был в стороне, а затем и вообще покинул Россию. Читая личное дело Кречетова, автор со страхом боялся обнаружить его в рядах фашистской партии К. В. Родзаевского⁹. Ведь смог же П. И. Кречетов от легального марксизма перейти к монархизму, то есть броситься из одной крайности в другую? Правда, такие метаморфозы были не редки с интеллигенцией начала XX века... Однако рокового шага он не сделал и не запятнал своё имя сотрудничеством с русскими фашистами.

Подводя итоги, отметим, что Пётр Иванович Кречетов оставил определённый след в русской литературе, публицистике, краеведении. И эти благородные дела не забыты его земляками. В то же время его судьба интересна и очень поучительна.

⁹ Родзаевский Константин Владимирович (1907–1946 гг.), создатель и руководитель Российской фашистской партии в Маньчжурии. Активно сотрудничал с японцами. Приговорён Верховным судом СССР к высшей мере наказания.

Библиография произведений П. И. Кречетова

1. Кречетов, П. И. Город Орёл. Путевые заметки, наброски из памятной книжки / П. И. Кречетов. — Орёл : издатель Воробьёв А. В., 2003. — 58 с.
2. Кречетов, П. Из истории Орловского театра / П. Кречетов // Памятная книжка Орловской губернии на 1899 год. Отдел 2. — Орёл, 1899. — С. 5–15.
3. Кречетов, П. И. (Красовский П.). Максим Горький и Леонид Андреев. Их жизнь и произведения / П. Красовский [псевд.]. — Рига: типо-лит. В. П. Матвеева, 1902. — 58 с.
4. Кречетов, П. И. Орёл. Материалы для описания Орловской губернии / П. И. Кречетов. — Рига : изд. П. Александрова, 1903. — 232 с.
5. Кречетов, П. И. Пётр Аркадьевич Столыпин. Его жизнь и деятельность / П. И. Кречетов. — Рига : тип. Бланкенштейна, 1910. — 32 с.
6. Кречетов, П. И. (Красовский П.). Родной край : очерки, заметки и наброски / П. Красовский [псевд.]. — Рига: типо-лит. В. П. Матвеева, 1902. — [4], 435 с.
7. Кречетов, П. И. (Леонард Абодаров). Эскизы / Леонард Абодаров [псевд.]. — Рига : типо-лит. Бланкенштейна, 1909. — 67 с.
8. Кречетов, П. (Красовский П.). Юрьев и Юрьевский университет : очерки, заметки и воспоминания юрьевского студента / П. Красовский [псевд.]. — Рига : типо-лит. В. П. Матвеева, 1904. — 365 с.
9. Промыслы Орловской губернии // Орловский календарь, 1903 год. — Орёл, [Б. д.]. — С. 121–123.

Список использованных источников

1. Аурилене, Е. Е. Российская эмиграция в Китае : 1920-е – 1950-е гг. : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / Е. Е. Аурилене ; Хабаров. гос. пед. ун-т. — Хабаровск, 2004. — 46 с.
2. Белобродская Екатерина Павловна // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 3696.
3. Булгаков, С. Капитализм и земледелие : в 2-х т. Т. 2 / С. Булгаков. Санкт-Петербург : тип. и литография В. А. Тиханова, 1900. — 458 с.
4. Господарик, Ю. Иван Давыдович Делянов / Ю. Господарик // Высшее образование в России. — 2002. — № 3. — С. 101–118.
5. Ерёмин, В. П. Орловские краеведы / В. П. Ерёмин. — Орёл : Вешние воды, 2005. — 147 с.
6. Ивашкевич, Б. А. (И — ч). Писатели, учёные и журналисты на Дальнем Востоке за 1918–1922 гг. / И — ч. — Владивосток : тип. «Свободная Россия», 1922. — 72 с.
7. Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Т. 1 : Болховской-Кромской уезды. — Орёл : Орл. церк. ист.-археол. о-во, 1905. — [5], 502 с.
8. Калякина, А. В. Региональные музеи и общество / А. В. Калякина // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2008. — № 2. — С. 40–56.
9. Кравцова, Е. С. «Податные инспекторы близко стоят к народному карману, но руки их чисты»: взаимоотношения налогоплательщиков с податной инспекцией на рубеже XIX–XX столетий / Е. С. Кравцов // Вестник РУДН. Сер.: История России. — 2007. — № 4. — С. 14–15.
10. Кречетов, П. И. Город Орёл. Путевые заметки, наброски из памятной книжки / П. И. Кречетов. — Орёл : издатель Воробьёв А. В., 2003. — 58 с.
11. Кречетов, П. И. Кречетов Иван Николаевич // Орёл. Материалы для описания Орловской губернии / П. И. Кречетов. — Рига, 1903. — С. 114–117.
12. Кречетов, П. И. (Красовский П.). Максим Горький и Леонид Андреев. Их жизнь и произведения / П. Красовский [псевд.]. — Рига: типо-лит. В. П. Матвеева, 1902. — 58 с.
13. Кречетов, П. Новые научные труды митр. Антония / П. Кречетов. — Текст : электронный // Вестник железнодорожни-ков. — 1926. — № 16 (23 авг.). — URL: <https://sites.google.com/view/vladimir-von-tsurikov/russianprintabroad/china/vestnik-zheleznodorozhnika>.
14. Кречетов, П. И. Пётр Аркадьевич Столыпин. Его жизнь и деятельность / П. И. Кречетов. — Рига : тип. Бланкенштейна, 1910. — 32 с. — URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003769025?page=1&rotate=0&theme=white. — Текст : электронный.
15. Кречетов, П. И. (Красовский П.). Родной край : очерки, заметки и наброски / П. Красовский [псевд.]. — Рига: типо-лит. В. П. Матвеева, 1902. — [4], 435 с.
16. Кречетов, П. И. (Красовский П.). Юрьев и Юрьевский университет // Очерки, заметки и воспоминания юрьевского студента / П. Красовский [псевд.]. — Рига: типо-лит. В. П. Матвеева, 1904. — 366 с.
17. Кречетов Павел Иванович // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 24083.
18. Кундаева, Н. Н. Жанровые тенденции в русской малой импрессионистской прозе первой трети XX века : автореф. дисс... канд. филол. наук : 10.01.01 / Н. Н. Кундаева ; [место защиты: Сам. гос. ун-т]. — Самара, 2013. — 23 с.
19. Левашов Владимир Константинович // ГАХК. Ф. 730. Оп. 3. Д. 26638.
20. Лынша, О. Б. История образования в Никольске-Уссурийском. 1882–1922 гг. / О. Б. Лынша. — Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. — 291 с.
21. Масанов, И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей : в 4-х т. Т. 1 / И. Ф. Масанов. — Москва : Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956. — 440 с.
22. Новости науки и культуры // Правительственный вестник. — 1914. — 9 нояб.
23. О порядке приобретения дворянства службою // Полное собрание законов Российской империи. — Изд. второе. — Санкт-Петербург, 1845. — Т. XX, отд-ие первое. — С. 450–451.
24. Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III : (Со 2 марта 1881 г. по 20 окт. 1894 г.). — Санкт-Петербург : Гос. тип., 1901. — 676 с.

25. Общество русских студентов в Юрьеве : очерк. — Санкт-Петербург, 1910. — 16 с.
26. Объявления // Уссурийский край. — 1917. — 21 апр.
27. Памятная книжка и адрес-календарь Лифляндской губернии на 1903 г. — XXXIII издание Лифляндского губернского статистического комитета. — Рига : тип. А. фон Грезеус, 1903. — XLVII, 276 с.
28. Памятная книжка и адрес-календарь Лифляндской губернии на 1909 г. — XXXIX издание Лифляндского губернского статистического комитета. — Рига : Лифляндская губ. тип., 1909. — XL, 317 с.
29. Памятная книжка Орловской губернии / изд. Орлов. губерн. стат. ком. ; под ред. секретаря ком. Попеля. — Орёл : тип. А. П. Хализева, 1895. — 318 с.
30. Памятная книжка Орловской губернии на 1899 год / изд. Орлов. губерн. стат. ком. ; под ред. секретаря ком. С. В. Розанова. — Орёл : тип. губ. правления, 1899. — [341 с.].
31. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел. Т. XXIX : Орловская губерния. — Санкт-Петербург, 1904. — [4], XVI, 259 с.
32. Писатели Орловского края: Библиограф. словарь / сост. Шевелева Г. М., Андреева Л. К., Самодурова И. И. и др. ; под общ. ред. К. Д. Муратовой, Г. М. Шевелевой. — Орёл : Приок. кн. изд-во, Орлов. отд-ние, 1981. — 416 с.
33. Позина, Н. Пленительная сила женщин / Н. Позина // Словесница Искусств. — 2012. — № 1 (29). — С. 130–132.
34. Рачинский, С. А. Сельская школа : сб. ст. с предисл. Н. Горбова. — Москва : тип. М. Г. Волчанского, 1891. — XXI, 219 с.
35. Ренан, Э. Жизнь Иисуса. Полный пер. с французского с введением, предисл. и примеч. — Киев: изд. кн. маг. С. И. Иванова и К°, 1906. — 335 с.
36. Сергей Александрович Рачинский (1833–1902) : библиограф. справ. / сост. Т. А. Самойлюк. — Минск, 2018. — 20 с.
37. Труды Орловской учёной архивной комиссии / Орловская учёная архивная комиссия. — Орёл : тип. губ. правления, 1899. — Вып. 1. — [2], 80 с.
38. Тулакин, Е. В. Мой Хайдар / Е. В. Тулакин // На сопках Маньчжурии. — Новосибирск, 1996. — № 28. — С. 1–2.
39. Унтербергер, П. Ф. Приамурский край, 1906–1910 гг. : очерк П. Ф. Унтербергера. — Санкт-Петербург : тип. В. Ф. Киршбаума (отд-ние), 1912. — [2], XIV, 428, 54 с., 1 л. фронт. (ил.), 27 л. ил., карт.
40. Устав Харбинского комитета помощи русским беженцам. — Харбин, 1925. — 8 с.
41. Феофан Полтавский (Быстров, 1873–1940 ; архиепископ). О догмате Искупления. — Текст : электронный // Азбука веры. Православная библиотека. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Bystrov/doklad-ob-uchenii-mitropolita-antonijakhrapovitskogo-o-dogmate-iskuplenija/.
42. Хроника событий // Уссурийская окраина. — 1910. — 2 марта.
43. Чурилов, Л. П. Дерптский (Юрьевский, Тартуский) университет в истории отечественной науки: международная сокровищница знаний / Л. П. Чурилов, А. Е. Коровин // Здоровье — основа человеческого потенциала : проблемы и пути их решения. — 2016. — Т. 11, № 2. — С. 855–890.
44. Шавгарова, А. Развитие театральной культуры Дальнего Востока XIX–XX вв. / А. Шавгарова. — Текст : электронный // Relga. — 2010. — № 5. — URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2597&level1=main&level2=articles> (дата публикации: 10.04.2010).
45. Шмаркова, И. Н. Путевые заметки П. Кречетова об Орле / И. Н. Шмаркова // Орловская областная научная универсальная публичная библиотека им. И. А. Бунина : офиц. сайт. — URL: <http://buninlib.orel.ru/kray/mozaika/18.htm>.
46. Юртаева, Е. А. Система юридического образования в Российской империи / Е. А. Юртаева // Журн. рос. права. — 2009. — № 1. — С. 116–131.
47. Янсон, П. Карательные экспедиции в Прибалтийском крае в 1905–1907 гг. / П. Янсон. — Ленинград : Прибой, 1926. — 87 с.
48. [Яценко, А. С.] Судьба и работы русских писателей, учёных и журналистов за 1918–1921 гг. // Русская книга. — Берлин, 1921. — № 7/8. — С. 22–27.
49. Līga Lapa. Mežabrāļi Vidzemē 1906. gadā. // Latvijas vēstures institūta žurnāls. — 2009. — № 4 (73). — L. 71-90.

Фотографии предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 05.04.2024.

Сведения об авторе: Ковальчук Михаил Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Теория и история государства и права» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: ma_kov@bk.ru; тел. 8-914-548-22-12.